

ИДЕЯ СВОБОДЫ И ИНСТРУМЕНТ «ЗОЛОТОЙ СЕРЕДИНЫ» В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ЛИБЕРАЛОВ XIX СТОЛЕТИЯ

Статья посвящена истории возникновения либеральной доктрины и философии либерализма, эволюции европейского либерализма, анализу важнейшего, стержневого для либерализма понятия свободы, взаимосвязи и взаимодействию понятий «либерализм» и «демократия», интерпретациям либерализма в различных регионах и частях Европы, а именно в странах с отсутствием традиций (или с недостаточно сформированными традициями) уважения к правам человека: жизни, свободе, собственности человека, к закону; в странах с «травматическим опытом». Важнейшая аналитическая проблема статьи – соотношение свободы в либеральном прочтении и идеи «золотой середины», ставшей политическим инструментом либералов, используемым для примирения и достижения компромисса различных сил и движений.

Ключевые слова: либерализм, либеральные традиции, реформирование, политика реформ, свобода, демократия, манипулирование, травматический опыт, бизнес, европейские либералы, Россия.

С середины XIX в. на Западе усиливается интерес к либеральным доктринам, идеологии, утверждается соответствующий стиль жизни, складываются либеральные системы. В основе этих процессов были идеи Джона Локка, Шарля Луи Монтескье, других деятелей английского, французского, американского Просвещения, экономистов конца XVIII – первой половины XIX в. Адама Смита, Дэвида Юма, Вильяма Кобдена и других.

Либерализм (лат. *Liberus*¹) – политическое кредо, совокупность философских, правовых, экономических идей, образ мышления, стиль жизни западных интеллектуалов. В основе этого комплекса теорий, поведенческих стереотипов, практик и моделей власти лежит идея *свободы* – основополагающего стремления человека и

важного принципа государственной политики. Свобода предусматривает ответственность, свободное волеизъявление, собственность, свободу личности от произвола власти в результате снижения опекающей роли государства и церкви, верховенство права, свободное предпринимательство. В «Британской энциклопедии» либерализм определен как политико-правовая доктрина, нацеленная на «защиту жизни и свободы личности, недопустимость ущемления ее прав, обеспечиваемых законами, судом присяжных и правоохранительными органами». Индивидуум может быть «настолько свободным, насколько его действия не препятствуют свободе других»². В итальянском «Большом историческом словаре» либерализм определен как «доктрина, основанная на личной свободе, либеризме, юридическом равенстве граждан, разделении властей, суверенитете, правовом государстве, основанном на системе представительства и гарантированном Конституцией, на участии граждан в выборах на базе цензовой системы, светском характере власти, на веротерпимости»³. Немецкая энциклопедия *Der Grosse Brockhaus* определила либерализм как движение за свободу и государство, которое не нарушает свободу личности⁴. Российский исследователь Наталья Ростиславлева считает, что либерализм – это и склад ума, отличающийся терпимостью, открытостью, и тип политической практики. Свобода максимально реализуется в гражданском обществе, а свойственная либерализму толерантность создает действенные механизмы защиты граждан от произвола власти⁵. А в ряде недавних российских исследований либерализм квалифицируется как «интеллектуальное направление, центрирующееся вокруг проблематики прав и свобод личности, их политико-правового обеспечения»⁶. По мнению же теоретика либерализма Томаса Палмера, либерализм имеет три базовые опоры – права личности, спонтанный порядок, ограничение вертикали власти⁷.

Стремление к свободе было свойственно народам во все времена – от городов-полисов Древней Греции⁸ до средневековых европейских городов. Формула «Я – Римский гражданин» эволюционировала в направлении принципа «Городской воздух делает свободным по истечении года и одного дня», а итогом стало создание элементов правового государства в сочетании со свободой предпринимательства⁹. В эпоху Гуманизма разгорелась борьба свободных городов – коммун и Святого престола: дух свободы был несовместим с диктатом Понтифика¹⁰. Позднее в Европе рождаются привычка к свободе и сопротивление произволу – сегодня они реализуются через гражданскую инициативу.

Либералы XIX столетия оспорили божественное право монарха на власть, роль религии как единственного источника познания, выступили в защиту свободы и достоинства человека, его личного пространства, отстаивали идеи свободного контракта, равенства граждан перед законом и прозрачности власти – свойства, необходимого для обеспечения этих принципов.

Реализация либеральных идей обеспечивала светский характер власти, терпимость в отношении конфессиональной принадлежности граждан¹¹. По мнению Джона Стюарта Милля, проявлениями свободы являются право на выбор, независимость, а угроза автономии личного пространства исходит от «правительственной тирании» и «тирании господствующего в обществе мнения».

Источником либерализма стала теория естественного права, изложенная Джоном Лильберном в середине XVII в. Политик и мыслитель обосновал необходимость формального равенства, свободы личности независимо от происхождения, приоритета народа в сфере законодательной инициативы, исходящей от народа, принадлежащей ему и осуществляемой им через парламент. Вслед за Лильберном Джон Локк доказал, что свободная личность – основа стабильного общества¹².

Концептуальное ядро либерализма образуют следующие положения. Первое: *изначально* присущая человеку свобода, ответственность, личное пространство, возможность самореализации, обеспечиваемая собственностью и политико-правовыми институтами¹³, приоритет частной пользы – человек лучше знает, что для него лучше. Второе: оптимальная модель социума основана на свободном обмене идей, интеллектуальных и иных ценностей, на свободной конкуренции. Третье: либеральная система обеспечивает раскрытие творческого потенциала человека и его благополучие, но одновременно приводит к раскрытию потенциала общества и обеспечивает его (общества) благополучие. Из этого вытекают рациональное устройство общества и оптимальный баланс частной и общей пользы (блага). В центре внимания либералов – идеи правового государства, представительства, гражданской инициативы.

Свобода в либеральном прочтении основана на терпимости и компромиссе. Важным инструментом и методом достижения компромисса у «классических» либералов XIX столетия стала «*золотая середина*» – *juste milieu*. Этот инструмент нацелен на создание баланса политических сил, достижение компромиссов, *маятника* власти в Великобритании, США, затем во Франции и Италии. *Juste milieu* успешно использовалась в целях компромисса и примирения партий в рамках системы сдержек и противовесов, для контроля

вертикали власти, баланса частной и общей пользы, светской и духовной власти – ради стабильности.

Либералы позаимствовали *juste milieu* у французских доктринеров – представителей спиритуалистической школы 30–40-х годов, особенно Пьера Поля Руайе-Коллара и Франсуа Гизо, стремившихся к утверждению свободы и порядка, компромиссу различных движений элиты с целью преодоления конфликта интересов, достижения стабильности в обществе. *Juste milieu* взяли на вооружение английские виги, затем либералы, начиная с лидеров 1830-х годов Джона Рассела, Джона Грея, Генри Джона Пальмерстона и кончая Вильямом Эвартом Гладстоном. Либералы стремились найти точки соприкосновения с консерваторами и достичь с ними консенсуса. Иногда это приводило к переплетению идей либералов и консерваторов и политическому «перекрашиванию» отдельных политиков, особенно в таких узловых пунктах, как сокращение «опекающих» функций государства, отношение к традициям и прецеденту. Во Франции адепты доктринерства также получили заметный резонанс, входили в состав правительств и возглавляли их.

Свобода независимо от статуса человека, рода занятий, религии, политических убеждений оставалась умоглядной до американской Войны за независимость и революции во Франции. Этот стиль жизни встретила в штыки значительная часть французской аристократии и бюрократии, терявшая привилегии и мечтавшая о реставрации режима, сковывавшего свободу и предприимчивость. Идеи элиты аристократического сословия замешаны на традиционализме и романтизме – их можно квалифицировать как консерватизм в разных его модификациях. Пик распространения консерватизма пришелся на первую треть XIX столетия и предшествовал расцвету либерализма, но, в отличие от него, консерватизм не имел столь очерченного концептуального ядра¹⁴.

Мыслители Просвещения сформулировали идею свободы в терминах прав человека, а американская Война за независимость привела к созданию конституции, в основе которой лежит центральная идея либерализма (и представительной демократии) – *the government of the people, by the people and for the people*. А французские фельяны попытались создать новую либеральную элиту и сформулировать ее программу в «Декларации прав человека и гражданина» и Конституции 1791 г.

В экономической сфере основой либерализма стали либеристские постулаты¹⁵. В Британской энциклопедии указано: *laissez-faire*, или фритрейдерство, – «политика *минимального* вмешатель-

ства государства в свободную экономическую инициативу личности и общества... получившая развитие в классической экономике XIX в.»¹⁶. А Большой итальянский исторический словарь определяет *либеризм* как «экономическую доктрину, основанную на свободной инициативе, свободной торговле, свободном рынке». *Laissez faire, laissez passer* подразумевает «невмешательство и экономическую свободу, а государству отводится роль чистого гаранта»¹⁷. В *laissez faire* заложена идея *dreaming (minimum) state* – государства с минимальными функциями в *экономической сфере*: защита собственности, деловой активности, конкуренции, так как свободный рынок – залог свободы человека¹⁸. По мысли автора памфлета «Здравый смысл» Томаса Пейна, правительство есть «не более чем необходимое зло»¹⁹, а рынок не нуждается в регулировании²⁰. Адам Смит был убежден, что вмешательство государства подавляет инициативу – наиболее сильны страны, где граждане свободно проявляют ее. В «Теории нравственных чувств» экономист развил теорию мотивации труда, основанного на личной заинтересованности, а в «Исследовании о природе и причинах богатства народов» доказал, что свободный рынок способен включать механизмы саморегулирования²¹. Эту идею отстаивали французские физиократы начиная с Франсуа Кене, а позднее экономисты Жан-Батист Сэй и Дестют де Траси, ставшие популяризаторами «гармонии рынка».

Либеризм предполагает устранение препятствий для инициативы человека, а личный успех – результат предприимчивости, трудолюбия, что соответствует *высшим интересам* государства. Государство, сохраняя пассивную роль, должно обеспечить защиту предприимчивости, если она не противоречит законам, свободе и инициативе другого человека.

По мысли Адама Смита, государству следует принимать меры по расширению образованности бедных классов. А в утилитаристской доктрине Джереми Бентама предусматривались осуществляемые государством функции защиты необеспеченных слоев населения, хотя в целом сторонники либеризма полагали, что социальные проблемы не нужно регулировать (или регулировать минимально). Бентам полагал, что свобода – это смысл существования, в ней заключены *частная польза* и рациональный расчет; в то же время баланс частной и общей пользы – залог стабильности в обществе²². Отвергнув христианскую догму о ничтожности человека перед Богом, либералы обосновали возможность счастья на земле как естественного права человека. Свобода и счастье максимального количества людей обеспечивают нравственность в обществе²³: принцип

личного счастья «срабатывает», если он согласован с общей пользой. А отцы-основатели американской демократии создали новое государство во имя жизни, свободы и стремления к счастью. Томас Джефферсон воспринял идею Локка о базовых правах с поправкой, заменив право собственности правом стремиться к счастью, поскольку находил это более естественным для Америки.

В «Теории нравственных чувств» Смит утверждал, что мораль – продукт творчества свободных людей, создающих благосостояние общества, а затем она воспринимается и обществом. Эволюция государственных институтов позволяет человеку действовать во имя общей пользы, даже если он преследует частный интерес. Смит определил спонтанный порядок – равновесие и стабильность, основанные на устойчивых моделях поведения в обществе, где невозможно нарушить рамки этих моделей. Это ключевое положение *laissez faire*, а в XX в. – либертарианской доктрины.

Страна, сохранявшая экономическое, колониальное, морское, торговое, финансовое, политическое лидерство, стала *колыбелью* и эпицентром либерализма. Политико-правовая мысль Англии объясняла причины лидерства свободной инициативой, защитой собственности, недопустимостью нарушения личного пространства человека. С 30–40-х годов XIX в. именно здесь распространились теории Смита, Милля, «манчестерской школы» Ричарда Кобдена, Джона Брайта и утилитаристские идеи. Впрочем, в Великобритании, где с 30-х годов XIX в. уже существовало трудовое законодательство, идеи ответственности власти и бизнеса получили развитие в период раннего Нового времени²⁴.

Свободная деловая активность пустила глубокие корни в атлантических странах. Развитие идей Кальвина об абсолютном предопределении, Божественном невмешательстве в дела человеческие, а главное, ее интерпретации адептами этого уже этического учения привели их приверженцев к убеждению: человек может по тому, насколько успешна его деятельность, стабилен и высок уровень благосостояния, просчитать свою будущую судьбу – и свободен в выборе. Следствием стало создание современной индустриальной цивилизации. Идеи Кальвина, с которыми отлично согласовывались либеральные идеи, попали в английские колонии в Северной Америке с пилигримами «Мэйфлауэра» и «Арабеллы», утвердились в доктринах *Ковенанта*, *Града Божьего На Холме*, *Фронтيرا*, нашли отражение в Своде свобод Массачусетской колонии в декабре 1641 г. И «Пакт на Мэйфлауэре», и «Свод свобод» Джона Уинтропа стали основой формирования в дальнейшем либеральной доктрины в США²⁵.

Либерализм как политическая теория основан на идеях парламентаризма, конституционализма и представительной демократии. И Вольтер, и Жан-Жак Руссо с его идеей о естественной свободе настаивали на том, что свобода человека может быть ограничена лишь законом и не должна ущемляться ни другим человеком, ни властью, ни церковью. Залогом стабильности государства является, по Дж. С. Миллю, представительное правление, и народ должен иметь навыки исполнения возлагаемых на него прав и обязанностей. Милль выстроил модель блокирования произвола вертикали власти²⁶, осудил вмешательство в частную жизнь и произвол чиновников, превращавшихся в безответственных «слуг правительства». Правовое государство стало итогом развития либеральной политико-юридической мысли.

Либерализм основан на формальном равенстве граждан и на принципах правового государства, избирательные же права граждан реализуются через цензовую систему при условии *позитивно* расширения электората. Политическими правами могут пользоваться граждане, которые обладают собственностью и не просят помощи у государства: они разумно распоряжаются своей судьбой, что дает им право решать судьбу страны, к тому же люди, обладающие собственностью, обеспечат ее защиту лучше, чем неимущие. Наконец, они обладают достаточной образованностью – поэтому ценз имущественный, как правило, сопровождается цензом образовательным²⁷. По убеждению отцов-основателей Америки, образованный человек сам ограничивает свободу²⁸. Так же считал Милль: образованный человек пользуется свободой в разумных рамках.

Новый этап национального самосознания привел в середине XIX в. к осознанию народами своей идентичности. Ее основой стал суверенитет, а следствием – идея корпоративной свободы, которую получает личность через отождествление себя с нацией.

По мере эволюции либеральной системы в развитых странах произошли сдвиги в политической культуре, правосознании граждан, предпочтение стало отдаваться реформам, brutальный путь социального протеста – революции, социальные катаклизмы – рассматривался как тупиковый все большим количеством граждан. Либералы стали смещать фокус внимания на свободу совести, академическую свободу, недопустимость ущемления *privacy*. Милль в эссе «О свободе» противопоставил свободу вседозволенности: человек свободен при достижении определенного уровня гражданского и нравственного развития. Власть такова, каково общество в целом, – эта мысль занимала и Милля, и немецких либералов Людвиг фон Мизеса и Вильгельма фон Гумбольдта.

На рубеже XIX–XX вв., с осуществлением реформ, в развитых странах проросли первые ростки демократии, но и там демократия стала результатом длительной борьбы. Борьба за избирательную реформу Великобритании привлекла внимание власти к социальным проблемам. Следствием стало постепенное расширение демократии как результат ответственности: либеральные интерпретации предполагают баланс между ответственностью правительства и личной ответственностью. По мнению Вольтера, демократия есть результат длительной борьбы. Вспомним рассуждения французского историка-либерала Алексиса де Токвиля о двух составляющих демократии²⁹. Первая – осознанное стремление значительной части населения к реформам с использованием таких инструментов гражданской инициативы, как массовая оппозиция, профсоюзное, забастовочное и иные формы движения. Другая составляющая – осознанное стремление власти осуществить добровольно назревшие реформы: они все равно будут осуществлены, но ценой такой политики могут стать бунт или революция.

Либеральный опыт Запада способствовал утверждению правового государства, где свобода квалифицируется как ответственность. Ответственность – обратная сторона свободы, и свободный образованный человек не потерпит манипулирования, в какой бы форме оно ни преподносилось: через привилегии, СМИ, заигрывание власти с народом или через иные каналы доступа. Человек, понимающий свободу как ответственность, выбор, гарантию прав, не способен терпеть нарушение *privacy* властью, другими людьми³⁰.

Говоря о соотношении понятий «либеральная система» и «демократия», следует обратиться к понятию «демократия». Британская энциклопедия определяет ее, с оговоркой, что речь идет о представительной демократии, как «форму правления, где права большинства – свобода слова, выступлений или совести – осуществляются в рамках конституции через избираемые учреждения»³¹. В статье в Итальянском словаре истории, посвященной либерализму, подчеркивается, что «либерализм лежит в основе современной демократии и является ее незыблемым принципом», а демократия – «политическая система, в которой власть представляет интересы большинства населения»³².

Страны менее развитые, чем Великобритания, Франция, США, в определенной мере Италия, демонстрировали эпизодический интерес к либеральным идеям, но либеральный опыт не получил развития из-за слабой политико-правовой культуры большинства граждан.

Механизм *juste milieu* представляет большой интерес для российского исследователя, особенно сквозь призму деятельности либерального политика Италии. Ведь либеральные идеи утвердились в стране, на которую оказывал давление понтификат, а либеральное государство было слабым в сравнении с «классической» либеральной Великобританией.

В первой половине XIX в. многие сторонники объединения исходили из приоритета Святого престола и баланса государственных систем, политических сил и движений, сложившихся на полуострове к началу 50-х годов. Либеральные католики и либералы стали использовать *juste milieu* в политической практике для достижения компромисса между Римом, препятствовавшим объединению итальянских государств, и Сардинским королевством, ставшим лидером Рисорджименто³³. *Juste milieu* с блеском использовал в 50-е годы XIX в. Камилло Бенсо ди Кавур³⁴, политик европейского масштаба, человек «золотой середины» по личным качествам и методам политического действия³⁵.

Воззрения Кавура сформировались в 1830–1840-е годы под влиянием католицизма, швейцарского кальвинизма и европейского либерализма. «Я раб свободы, – не устал он повторять, – ей я обязан всем, что имею». Он был убежден: без парламента не может существовать свободы, и заявлял, что чувствовал себя *свободным* человеком лишь в периоды, когда в Пьемонте заседал парламент³⁶.

Деловой мир с интересом встретил меры графа Кавура по реформированию экономики в Пьемонте – он заслужил репутацию успешного предпринимателя и преисполнился убеждением, что свободная конкуренция укрепит экономику, внутренний и внешний рынок Италии, обеспечит деловую активность бизнеса.

Талант экономиста, управленца Кавур проявил во время своего министерства (он возглавил кабинет с 4 ноября 1852 г.). Результатом стало железнодорожное строительство, возросли объем внешней торговли, производство шелка, хлопчатобумажных и шерстяных изделий, набрали обороты тяжелая промышленность и аграрное производство³⁷. Кавур стал лидером либералов Пьемонта, обращался к опыту Великобритании, предотвратившей потрясения проведением реформ³⁸.

Путь к независимости Италии политик увидел в консенсусе государства и церкви, что приобрело особое звучание, учитывая масштабы политической власти Святого престола, превратившие его в одно из самых реакционных государств Европы, подавлявших про-

явления свободы. Человек *золотой середины* отвергал brutальные пути к объединению страны, включая поход Тысячи Гарибальди³⁹, считал методы последнего диктаторскими⁴⁰ и сделал ставку на военные и дипломатические методы, а был он виртуозом дипломатии! Не случайно в итальянской историографии Рисорджименто называют «дипломатической революцией».

Особую проблему в объединительном процессе Италии представляла позиция Святого престола. В отношениях с понтификатом Кавур воспринял распространившийся в Женеве, а позднее и не только там, «религиозный рационализм», признававший за верующим свободу выбора – часть базового права человека на свободу в политике, морали, религии⁴¹. Христианство, понимаемое человеком *juste milieu* уже больше как нравственная модель, станет в будущем основой личной свободы⁴². А метод «золотой середины» Кавур использовал, чтобы избежать крайностей в создании независимой Италии – атеизма и религиозного фанатизма – и чтобы применить теорию прогресса к сфере духовной; отсюда стремление к компромиссу «реакции и революции, монархии и народа»⁴³.

В августе 1850 г. Кавур сформулировал принцип отделения церкви от государства по американскому образцу. Он был убежден: католик может отстаивать свободу государства от диктата церкви. А квинтэссенция *juste milieu* выражена Кавуром в формуле «Свободная церковь в свободном государстве», провозглашенной в марте 1861 г., хотя ее истоки нужно искать в идеях либералов 30–40-х годов XIX в.⁴⁴ Местоположение столицы в Риме Кавур мотивировал тем, что Рим – ядро европейской цивилизации, центр духовного, политического и культурного единства⁴⁵, а также необходимостью урегулировать взаимоотношения церкви и государства в будущей единой Италии⁴⁶. По его мнению, свобода совести могла бы стать реальностью после отделения церкви от государства: как субъект государства церковь будет подчиняться его законам, а при отправлении религиозного культа пользоваться свободой. Церковь свободна в духовной сфере и не вмешивается в политику. Таким образом будет достигнут компромисс – «золотая середина» в отношениях церкви и государства.

После смерти архитектора Рисорджименто премьер-министром Королевства Италии, провозглашенного в Турине 17 марта 1861 г., стал представитель либерального блока «исторической правой»⁴⁷ Беттино Риказоли, продолживший политику Кавура. В отношении понтифика надеждам человека *juste milieu* не суждено было сбыться: папа Пий IX и в момент присоединения Рима, и в дальнейшем занимал в отношении Королевства Италии враждебную

позицию. (Отметим, правда: итальянские либералы платили ему той же монетой.) В декабре 1864 г. понтифик обнародовал «Syllabus» – приложение к энциклике «Quanta cura», где осудил рационализм, либерализм, свободу науки, свободу совести, расцениваемую как «равнодушие к вере»; эти «заблуждения» были осуждены и I Ватиканским Собором (1869–1870). Утверждение либерализма в Италии обострило отношения государства с понтификатом и стало фактором нестабильности и уязвимости власти в стране. Все же появившееся на карте Европы государство получило глоток свободы, а человек *juste milieu* вошел в историю как борец за свободу и либерал – правда, не то с французским, не то с английским «акцентом».

Не обладая традициями демократии, итальянцы приобрели привычку к свободе, а власть – умение находить компромиссы, в том числе через механизм *juste milieu* Россияне никогда не имели такого опыта и традиций.

Страна с центром в Вечном городе восприняла античную культуру, философию и римское право. Ядро европейской цивилизации, колыбель свободных коммун, процветавших благодаря систематическому труду, в Средние века и на заре Нового времени государства Северной Италии стали очагом свободы, перекрестком мира, информационным мостом между Западом и Востоком, эпицентром деловой активности, образования⁴⁸.

Россия находилась «за скобками Европы», и многовековая изоляция от европейских, и не только, научных достижений, теорий и практик власти, права не прошла бесследно. С эпохи Киевской Руси власть была прочной, если во главе ее стоял грозный правитель. Этому способствовали суровый климат, скудные почвы, безбрежные просторы при отсутствии естественных границ, удаленность от Мирового океана, изоляция от Европы, Дальнего Востока. Зыбкость границ приводила к нападениям – власть и подданные нацеливались на поиск врага. Правитель владел собственностью, включая *людей*, – уважения россиян к человеку, закону, опыту свободы, привычки к свободному труду не возникло. После сближения с Византией власть на Руси *отзеркалила* сходные черты власти этой страны, восприняла цезаропапизм – так возникла система отношений, основанная на подчинении церкви и населения государству. В правление Андрея Боголюбского (ок. 1111–1174) Владимиро-Суздальское княжество достигло могущества и впоследствии стало ядром России. Политика этого князя оценивается многими историками как переворот в политическом строе Руси:

он одной своей волей изменил механизм наследования престола и укрепил верховную власть⁴⁹.

На Юге Италии, из-за вторжений арабов, норманнов, а в дальнейшем – утверждения власти Анжуйской династии, позднее Испании, возникли (так же, как в России) преклонение перед сильной, но не обязательно законной властью и неуважение к человеку, закону. Итогом стал произвол власти в отношении населения, с одной стороны, и формирование специфических механизмов сопротивления власти – с другой. Организованная преступность – *мафия* – проникала во властные структуры и *сливалась* с властью. Кроме мафии, на Юге возникло большое число нелегальных организаций, пополнявшихся за счет маргинальных слоев общества, удельный вес которых в структуре общества всегда был высок. Вековая отсталость, сохранение архаических форм землевладения, отсутствие промышленности, поголовная неграмотность населения, преступность не позволяли развиться активности, направленной на производительную сферу, – ее основными формами стало участие в преступных сообществах.

Однако в Южной Италии возникли первые университеты Европы – они играли огромную роль в формировании рациональной правовой системы Запада и правосознания⁵⁰. С течением времени Италия восприняла стандарт западной культуры: образованность – стартовый капитал для свободного человека. Этому способствовали отсутствие крепостного права, а в Северной Италии – серьезной личной несвободы, а также заинтересованность элиты в оптимальных для человеческого достоинства формах политической власти – результат распространения гуманистических идей.

Россия находилась за пределами европейского пространства – власть и общество не усвоили наследие античной культуры.

Деспотизм власти укреплялся в течение 300 лет владычества татаро-монгольского ига. Правление азиатов-завоевателей укрепило пиетет россиян перед сильной властью, а их долготерпение вылилось в многовековое рабство *более половины* населения – в апатию, безразличие и сервизм⁵¹.

Италия стала колыбелью Гуманизма – возросло уважение к личности, ее правам, образованию. Россия оказалась за скобками Гуманизма, в плену «травматического опыта»⁵² – деспотической власти, замешанной на восточной деспотии и византийском цезаропапизме. Уважения к достоинству человека, закону не возникло, россияне позиционировали себя *подданными* правителя, но не *гражданами* – так включилась «программа самоуничтожения».

В Новое время на Севере Италии, хотя и потерявшей независимость, проводились ограниченные реформы по образцу европейских. После объединения страны в сентябре 1870 г. развитие либеральной идеологии в Северной Италии стало противовесом опыту южных и центральных областей. Но позднее преодоление политического сепаратизма привело к утверждению либерализма с итальянским *акцентом*. Это проявилось, в частности, в недоверии итальянцев к центральной власти или, как минимум, в противопоставлении общества и власти⁵³.

Отсутствие *прививки* свободы вывело Россию за скобки уважения человека к самому себе и своей стране⁵⁴. Слово «либерализм» пришло в русский язык в конце XVIII в. в значении «вольнодумство», и негативный оттенок (терпимость, попустительство) сохраняется до сих пор. Восстание декабристов – первое оформленное требование *ввести* ограничения власти – завершилось крахом; в зону турбулентности попали и проекты Михаила Сперанского. Либеральные реформы 60–70-х годов XIX в. привели к отмене крепостного права, послужили толчком к внедрению правовой нормы *Habeas Corpus Act* и созданию суда присяжных, расширили рамки самоуправления. Но реформы *зависли*, а проект российской конституции М. Лорис-Меликова (1881 г.) «затонул» после смерти российского императора. Та же судьба постигла реформы начала XX в. С. Витте, П. Столыпин – реформаторам в России был уготован тернистый, а то и трагический путь⁵⁵. Амбициозность, предприимчивость осуждались на всех этапах истории России. Правовая поддержка деловой активности в России не возникла, а в Италии она опиралась на политико-правовой прецедент. В России свобода не была востребована ни в XIX столетии, ни в начале XXI в., власть и общество бросало из одной крайности в другую, а нежелание искать компромиссы привело к отсутствию опыта *juste milieu*.

Автократические режимы XX в. дискредитировали ценности либерализма. Но в Италии Савойский Дом, Святой престол, меньшее распространение атеизма, итальянский конформизм сделали невозможной устойчивую приверженность власти и общества к тоталитарной автократии. Россия же после Октября 1917 г. оказалась в состоянии *цивилизационной* катастрофы, откуда не выбралась и поныне⁵⁶, – и она, по-видимому, была не первой в истории страны. Ведь режим использовал *готовую* матрицу – иерархию, механизмы политического действия, неуважение к элите, интеллектуалам, к человеческой жизни вообще, отсутствие привычки к свободе.

Перестройка слегка изменила отношение к свободе на уровне массового сознания, но и сегодня большинство населения России

относится к праву человека на свободу неоднозначно. Власть культивирует агрессивную безграмотность: неграмотный народ не имеет представления о свободе и гражданской инициативе. Россия, по выражению Игоря Яковенко, остается страной «сущностно вчерашней», а ее сознание отражает позавчерашний день⁵⁷.

Уместно привести рассуждения Бруно Гроппо о «травматическом опыте»⁵⁸ стран, переживших бунты и диктатуры, где власть постоянно нарушала *свободу* прежде всего интеллектуальных и самодостаточных слоев населения. Такой опыт России привел к появлению в социальном теле ран, от которых остались шрамы, требующие длительного времени заживления. Возникла *точка невозврата*, когда путь к свободе и жизни в цивилизованном обществе блокирован: диктатуры не проходят бесследно.

Авторитарная власть стремится вычеркнуть или исказить целые страницы истории России. Общество, называющее себя свободным, не может игнорировать необходимость беспристрастного изложения истории. Как полагает Игорь Яковенко, базовые культурные ориентиры мешают объективному восприятию россиянами собственной истории. Преодоление этих барьеров – единственный выход из тупика, хотя это вызывает протест у «ревнителей устоев»⁵⁹. Но травматическое прошлое не раз ставило и ставит под угрозу не только свободу, но и нормальную жизнь страны.

Примечания

¹ Термин имеет в основе слова «свобода» и однокоренные с ним. В испанской конституции 1812 г. вероятно впервые употреблено слово «либерал», т. е. адепт оппозиции, целью которого стала *свобода*.

² Liberalism // Encyclopædia Britannica. URL: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/339173/liberalism>; Encyclopaedia Britannica. Chicago; London; Toronto, 1946. Vol. 13. P. 1000; в опубликованных в последние годы работах по теории и практике либерализма приводятся выдержки из европейских энциклопедий.

³ Grande Dizionario di Storia. Milano, 1998. P. 738.

⁴ Цит. по: Ростиславлева Н.В. Германские либералы первой половины XIX в. К. фон Роттек. К.Т. Велькер. Ф.К. Дальман. В. фон Гумбольдт. Д. Ганзман. М., 2010. С. 5.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ Очерки истории западноевропейского либерализма (XVII–XIX вв.). М., 2004. С. 3. См. также: Либерализм Запада XVII–XX века. М., 1995.

⁷ Палмер Т. Либерализм, глобализация и проблема национального суверенитета // Полит.ру. URL: <http://www.polit.ru/article/2005/12/09/palmer>

- ⁸ Приведем изречение Перикла, ставшее одой *свободы*: «Гражданин может распоряжаться собственной личностью». Цит. по: *Палмер Т.* Указ. соч.
- ⁹ Тит Ливий в «Истории Рима от основания города» описывает борьбу плебеев и патрициев за свободу, а Марк Аврелий в «Рассуждениях» пишет о «государстве, где закон равен для всех» и о «единодержавии, которое почитает свободу подданных».
- ¹⁰ Никколо Макиавелли в работах «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» и «Государь» изложил принципы свободного республиканского правления.
- ¹¹ Эти права изложены во «Всеобщей декларации прав человека» 1948 г.
- ¹² *Локк Дж.* Два трактата о правлении. М., 1988. С. 137–138.
- ¹³ *Мизес Л.* Индивид, рынок и правовое государство. СПб., 2010. С. 17.
- ¹⁴ Представителями консервативной политической элиты Франции были Жозеф де Местр (1753–1821) и Луи де Бональд (1754–1840), немецкой – Людвиг фон Галлер (1768–1854) и Адам Мюллер (1778–1829), итальянской – Антонио К. Минутоло, князь Каноза, Мональдо Леопарди и другие.
- ¹⁵ В англоязычной интерпретации более употребительна терминология «манчестерский либерализм» («манчестерство», «манчестерская школа»), или free-trade, во французской – *laissez faire*.
- ¹⁶ *Laissez faire* // Encyclopædia Britannica. URL: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/328028/laissez-faire>
- ¹⁷ Grande Dizionario di Storia. P. 740.
- ¹⁸ В XX в. адептом этой идеи стал Фридрих фон Хайек. См.: *Хайек Ф.* Дорога к рабству. М., 2005.
- ¹⁹ *Пейн Т.* Здравый смысл (1776). Цит. по: Liberalism // Encyclopædia Britannica. URL: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/339173/liberalism>
- ²⁰ Сегодня данная форма выражена в либертарианстве: государство не должно вмешиваться в личную жизнь или предпринимательскую деятельность, за исключением защиты свободы от посягательств других, видя в таком вмешательстве угрозу для свободы.
- ²¹ *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1993. С. 524–525.
- ²² *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998. С. 234.
- ²³ Эти идеи изложены Дж. Бентамом в «Принципах законодательства» и других работах. Он стал родоначальником теории утилитаризма, вошедшей в себя ряд социально-философских идей Гоббса, Локка, Юма, французских материалистов XVIII в. (Гельвеция, Гольбах).
- ²⁴ А возможно, раньше: с 1349 г. в Англии существовал закон, по которому местные органы должны были заботиться о трудоустройстве лиц, не имевших средств для жизни, если они не могли работать. В XVII–XVIII вв. распространились приюты, впоследствии работные дома, где призрелись инвалиды, вдовы, малолетние дети, а состоятельная часть населения уплачивала налог в пользу бедных.

- ²⁵ См.: Хрулева И.Ю. Государство. Церковь и общество в системе взглядов радикальных пуритан Новой Англии в XVII веке. М., 2001; Харц Л. Либеральная традиция в Америке. М., 1993.
- ²⁶ Идею правового государства отстаивал немецкий либерал Людвиг фон Мизес. См.: Мизес Л. Указ. соч. С. 17.
- ²⁷ По Конституции Королевства Италии 1882 г. избирательные права имели граждане, получившие свидетельство о трехлетнем начальном образовании. Это условие в опосредованной форме имеется в избирательных законах Великобритании (1832, 1867, 1884–1885 гг.)
- ²⁸ Эти идеи стали ключевым элементом Декларации прав человека и гражданина во Франции и американских отцов-основателей, особенно Бенджамина Франклина и Томаса Джефферсона.
- ²⁹ Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1994. С. 37.
- ³⁰ Князева С.Е. Стратегия успеха: как избежать манипуляций // BZZN.ru. URL: http://bzzn.ru/way_lider/article/Strategiya_uspeha:_kak_izbezhat_manipulyatsii
- ³¹ Democracy // Encyclopædia Britannica. URL: <http://global.britannica.com/EBchecked/topic/157129/democracy>
- ³² Grande Dizionario di Storia. P. 397–398.
- ³³ См.: Aquarone A. Alla ricerca dell'Italia liberale. Napoli, 1972; Di Lalla M. Storia del liberalismo italiano. Bologna, 1976.
- ³⁴ Язькова В.Е. Камилло Кавур – человек «золотой середины» // Вестник Европы. Т. XVII. М., 2006. С. 154 (<http://magazines.russ.ru/vestnik>).
- ³⁵ Ruffini F. Ultimi studi sul conte di Cavour. Bari, 1936. P. 57–58.
- ³⁶ Ibid. P. 53.
- ³⁷ За период министерств Кавура 1850–1858 гг. объем экспорта возрос в 3 раза, настолько же вырос объем сельскохозяйственного производства, в несколько раз увеличилась длина железнодорожной сети. См.: Brancati A. Civiltà nei secoli 3. Firenze, 1990. P. 35–37.
- ³⁸ Cavour C.B. Discorsi parlamentari. II. (1850–1851). Firenze, 1964. P. 345.
- ³⁹ Marrone A. I Mille. La battaglia finale. Roma, 2012. P. 32.
- ⁴⁰ Vittorio Emanuele. Cavour e Garibaldi, cinque lettere inedite – A cura di L. Mondini // Nuova Antologia di Lettere, Scienze ed Arti. 1960. Vol. CCCCXXIX. P. 267.
- ⁴¹ Язькова В.Е. К.Б. Кавур и «римский вопрос». 1860–1861 годы // Новая и новейшая история. 2007. № 4. С. 174–175.
- ⁴² Calamitani P. La rivoluzione moderata. Torino, 1978. P. 58; Язькова В.Е. К.Б. Кавур и «римский вопрос»... С. 177.
- ⁴³ Salvatorelli L. Il ritorno di Cavour // Lama E. Antologia del Risorgimento italiano. Roma, 1961. P. 697.
- ⁴⁴ На концепцию Кавура повлияли идеи Александра Вине – швейцарского протестанта, стоявшего у истоков формулы «Свободная церковь в свободном государстве», а также Шарля Монталамбера, Фелисите Робера Де Ламенне, Антонио Розмини, Чезаре Бальбо и других.

- ⁴⁵ *Язькова В.Е.* К.Б. Кавур о путях решения «римского вопроса» // Сб. научных трудов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ / Под ред. И.Е. Андропова. Вып. 2. М., 2006. С. 152–162.
- ⁴⁶ *Caouir C.B.* Stato e Chiesa. A cura di Paolo Alatri. Firenze, 1995. P. 131–132. Кавур никогда не был в Риме, что объясняется его неприятием понтификата.
- ⁴⁷ «Историческая правая» – блок движений либерального направления, ставший преемником Кавура.
- ⁴⁸ *Князева С.Е.* Власть и общество в Италии и России // Россия и государства Апеннинского полуострова на современном этапе: Сб. М., 2012. С. 51–52.
- ⁴⁹ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. СПб., 1904. Лекция 18; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. СПб., 1851–1879. События от смерти Юрия Владимировича до взятия Киева войсками Андрея Боголюбского (1157–1169 гг.).
- ⁵⁰ Университеты возникли в Салерно и Неаполе одновременно со старейшими университетами Европы (Оксфорд, Кембридж и др.).
- ⁵¹ *Князева С.Е.* Россия глазами итальянцев: вчера и сегодня // Вестник Европы. XXI век. Журнал европейской культуры. 2008. Т. XXII–XXIII. С. 50–66.
- ⁵² См.: *Гроппо Б.* Как быть с «темным» историческим прошлым // Полит.ру. URL: <http://www.polit.ru/article/2005/02/25/groppo>
- ⁵³ *Colombo G., Marzoli F.* Farla franca. La legge e' uguale per tutti? Milano, 2012. P. 5–7.
- ⁵⁴ *Гишинский Я.И.* Исключенные навсегда. Российское будущее: тревоги, о которых нельзя промолчать // Новая газета. 2011. 18 нояб.
- ⁵⁵ *Князева С.* Россия глазами итальянцев: имидж России в Италии // Италия. На перекрестке Средиземноморья: «Итальянский сапог» перед вызовами XXI в. (Старый Свет – новые времена). М.: Весь мир, 2011. Гл. 19. С. 393–395, 398; *Она же.* Власть и общество в Италии и России. С. 58, 64–65.
- ⁵⁶ *Гишинский Я.* Указ. соч.; После Империи / Под общ. ред. И.М. Клямкина. М., 2007. С. 222; *Яковенко И.* Культурный рок. Как долго нам еще оставаться «страной особой судьбы»? // Новая газета – Сценарии. 2013. 26 февр.
- ⁵⁷ *Яковенко И.* Указ. соч.
- ⁵⁸ *Гроппо Б.* Указ. соч. Бруно Гроппо – политолог, профессор Сорбонны.
- ⁵⁹ *Яковенко И.* Указ. соч.